

Olga Bessmertnaya
Russian State University for the Humanities
Moscow, Russia

olgabessm@yandex.ru

May 25, 2007

The Muslim Azef, or ‘Playing the Other’: Cross-Cultural Encounters through the Individual Strategy of Maghomet-Beck Hadjetlashé (Periphery of Russian Muslim Reformism, Early 20th Century)

The goal of the study was to analyze the figure of Maghomet-Beck Hadjetlashe, nicknamed “the Muslim Azef” by his Muslim contemporaries, through two perspectives. On one hand, I wanted to see, in the light of his individual strategies and his milieu’s reactions to them, “the vast processes” (such as modernization, secularization and construction of “national” identity) present in the midst of certain modernizing elites of Muslim communities in Russia, regarding those processes in their extreme and, at the same time, in their concrete manifestations. On the other hand, to better understand the very personage, seeing him at the interface of the processes occurring in Russian society as a whole and inside its Muslim minorities, yet avoiding univocal judgements rife in the investigations of my predecessors. The goal was defined by my hero’s ambivalence: an editor/publisher of the magazine “Musulmanin” (The Muslim) and the newspaper “V Mire Musulmanstva” (In the Muslim World), he got his nickname, because while writing works addressed to Muslims, he simultaneously published anti-Muslim articles in the Russian conservative press, and collaborated with the Ministry of the Interior. His change of identities and social roles that his contemporaries took to be contrary to each other, were characteristic of Hadjetlashe through the whole length of his activities: from an Adyghean writer and radical socialist revolutionary (or, according to the police statement, “a blackmailer on revolutionary grounds”) called Ahmed-Bei Boulat Yuri Kazi-Beck Ahmetoukov, up to a fighter against the Bolshevik Regime, claiming to be a member of the higher Russian aristocracy, and sentenced for life imprisonment in Sweden as a murderer killing for gain.

The working plan suggested: a) completion of the previously started investigation of archival sources to restore the missing episodes of Hadjetlashe’s biography and to clarify the character of his communication in different socio-cultural circles; b) analysis of Hadjetlashe’s literary works, their reviews and responses to them and to his activities in then the Muslim and Russian press; c) writing a substantial article showing the results of the investigation and making a preliminary chapter in the book planned to be completed in 2008.

On the whole, the working plan has been fulfilled and, partly, even over-fulfilled. Investigations have been carried in the archives of Moscow and St. Petersburg. The article – rather an ample one (160 pages) – has been written and, despite its ampleness, is to be published (with some reductions) in the year-book “Casus: the Individual and the Unique in History,” 2008. Several papers have been presented at conferences in Moscow and St. Petersburg (in particular, at the start of working on the project – in May 2006, at the French-Russian conference “The Literary & the Social”, at the Smolny Collegium in St. Petersburg, and after completing the project, at the Round Table “Falsification of sources and the National Histories”, conducted within the programme “Actual Past: Science & Society” by the Department of Historical and Philological Sciences, Russian Academy of Sciences, Moscow, September, 2007). All together, the article and the papers are to make three of the four or five planned parts of the future book.

Thanks to the ACLS award, I have managed a) to compare and put together the data I gathered from various archives and publications, which allow me to restore - detail by detail – the behavioral strategy of my personage; b) to reveal the features and methods of creating the images or masks Hadjetlashe a.k.a. Ahmed-Bei Boulat Yuri Kazi-Beck Ahmetoukov, a.k.a. Akhmet-Beck Allayev (the new identification has been proved in the process of working on the project), a.k.a Grigoriy Ettinger, contrived for himself when communicating in different milieus and situations: in particular, to discover and compare the “autobiographies”- the life-stories – he created for himself in each of those situations; c) to define specific features of his discourse in his different roles and in each of the different milieus; d) to collect and compare the data on the reactions his activities caused nearly in all social classes whose representatives he met with: communicating with Muslim intelligentsia (here the different character of the reactions among the more and the less “politically-minded” members of the circle has been revealed, as well as among the Muslims in capital centers, the Northern Caucasus, and the Volga-Urals Region: the difference in rather a great measure influenced the character of the historical memory of the personage in each of those regions today); in governmental milieu (government officials in the M.I., high rank – and even P.A.Stolypin - among them; those in the Department for Foreign Confessions, the Departments of the Police, of the Press, among the Okhrana officers; those in the MFO, Headquarters, et al.); in the circles of the Russian conservative, liberal and leftist intelligentsia involved in political activities; in literary circles. Thus it became possible to see the personage “clash” with his milieu, to regard the situation from the viewpoint of the subject and that of the society *per se*.

The said goal of the project was consequently finalized as an analysis of the ways that my hero succeeded in crossing the cultural frontiers that were piercing his contemporary late-imperial Russian society, and – therewith – the ways of constructing those frontiers. On the one hand, meaning the individual himself, those under consideration were the strategies of deception, on the other, meaning his milieu – the circumstances of forming trust in him and the factors bringing destruction of the trust, revealing the deception.

I have not yet found reliable proofs of the true origin of Hadjetlashe; whether he was born Jewish and later declared himself to be Muslim, or whether he was born Muslim and later was adopted by a Jewish family (the Ettingers), and then decided to return to his roots. Though the collected data speak more in favor of the first version, I hope to confirm (or disprove) it by investigating archives in Odessa and Krasnodar, where my project was planned to take place, but could not be realized because of organizational complications.

The principal conclusions are as follows: Hadjetlashe’s main strategy – that of “playing the Other”, striving “to chime” with the Other – was based on his revelation of the fact that in the many-sided poly-confessional and multi-ethnic society around him, where the border-lines between ethno-confessional communities, comprehended as “cultural frontiers”, were seen as absolutely impenetrable, essential, primordial, the cultural belonging (being Muslim when communicating with Muslims), as well as the cultural “otherness” (being Muslim when communicating with government circles and Russian public figures) could be turned into a kind of *symbolic* (and political) *capital*. His revelation was preconditioned by his putting a distance between himself and his ‘roots’ (which was, in particular, facilitated by his being baptized together with his – either own or adopted – Jewish family) and allowed him to manipulate his contemporaries’ ideas of the unchangeability of cultural belonging predetermined by origin. His choice of a Muslim identity was – on the one hand - to stress his otherness in relation to the “majority”, and – on the other – helped to overcome Jewish marginality. He constructed that very cultural belonging/otherness on the ground of the stereotype conventional both for the Muslims and the Russian “majority” – that of a Muslim/Mountain-dwelling “Other”, which may be, in particular, traced back to the Russian literary tradition. Thus not only Hadjetlashe’s writings addressed to one or another audience, but also the images he created “in real life”, communicating with each different milieu, proved to be literary mystifications of a kind.

Acquiring trust in various communities thought to be culturally different – such as the Muslim liberal public or the Russian conservative governmental midst – became possible namely because those stereotypes and those discourses were common to them, tracing back in their basic categories (notions of history and progress, the very idea of culture combining the universal Culture of Humanity as a whole and the particular culture of this or that people, this or that confessional community) to the Enlightenment project and the heritage of Romanticism. On such a common ground, the evident difference in discursive practices typical of those social communities/milieus was politically tinted and therefore easy to imitate (while the deeper difference of the cultural heritage of those communities remained but implicit), which Hadjetlashe quite successfully made use of. His loss of trust with the Muslims, brought about by the revelation of his double-facedness, caused also a total disclaiming him as a Muslim, the accusation that he wasn't a Muslim (hence allusions to the Jewish origin of Eunoh Azef, while Hadjetlashe's own Jewish origin had never been proved). The "Cultural" frontier of the Muslim community appeared in its essence to be identical with the political and ethical ones. In conclusion, all these factors stress the constructed character of the frontiers of 'national' culture (as well, as "Muslim" culture formed like a national one) which in practice was open and apt to cross other frontiers. The roles played by Hadjetlashe in contemporary society are opposite in their value: he was a "provocateur" strengthening the antagonism between the Government and the liberal Muslims just to establish his own authority and he was also an Adyghean writer expressing national humanitarian values. However, his main role – i. e. relativization of the 'roots' and 'national culture', as well as of the enlightenment ethics, - anticipated the crisis of the Enlightenment project, whose consequences are so conspicuous today.

Ольга Бессмертная

**Московский гуманитарный государственный университет
Москва, Россия**

olgabessm@yandex.ru

25 Мая 2007 г.

**Мусульманский Азеф, или «игра в Другого»: Индивидуальная стратегия
М.-Б. Хаджетлаше в контексте межкультурных контактов (периферия
мусульманского реформизма в России, начало XX века)**

Исследование имело целью рассмотреть фигуру Магомета-Бека Хаджетлаше, прозванного его мусульманскими современниками «мусульманским Азефом», в двух планах. С одной стороны – увидеть сквозь призму его индивидуальных стратегий и реакций на них его окружения «большие процессы» (такие как модернизация, секуляризация, конструирование «национального» сознания), протекавшие среди модернизирующихся элит мусульманских сообществ России, «взяв» эти процессы в их крайних, экстремальных и, одновременно, конкретных проявлениях. С другой стороны – лучше понять самого этого персонажа, увидев его на стыке процессов, происходивших в российском обществе в целом и внутри его мусульманских меньшинств, и избегая однозначных оценок, сложившихся в исследованиях моих предшественников. Цель определялась амбивалентностью героя: издатель журнала «Мусульманин» и газеты «В мире мусульманства», он получил свое прозвище за то, что одновременно с писаниями, обращенными к мусульманам, публиковал антимусульманские статьи в консервативной русской прессе и сотрудничал с МВД. Смена идентичностей и совмещение социальных ролей, воспринимавшихся его современниками как противоположные, были характерны

для него на всех этапах жизненного пути: от адыгского писателя и эссера-максималиста (или, по выражению полиции, «шантажиста на революционной почве») Ахмед-Бей Булата Юрия Кази-Бека Ахметукова до борца с большевистским режимом, претендующего на принадлежность к высшей российской аристократии, приговоренного в Швеции к пожизненному заключению как ищущий наживы убийца.

План работы предполагал а) завершение начатого ранее изучения архивных источников для восстановления недостающих эпизодов биографии Хаджетлаше и выяснения характера его общения в разных социо-культурных кругах; б) анализ литературных произведений Хаджетлаше, рецензий и откликов на них и на его общественную деятельность в русской и мусульманской печати; в) написание большой статьи, отражающей результаты исследования и задуманной как одна из глав книги, которую предполагалось (и предполагается) завершить в 2008 г.

В целом этот план выполнен и отчасти перевыполнен. Исследования были проведены в архивах и библиотеках Москвы и Санкт-Петербурга. Написана действительно большая статья (160 стр.), которая должна, несмотря на объем, быть опубликована с некоторыми сокращениями в альманахе «Казус: Индивидуальное и уникальное в истории» в 2008 г.; сделан ряд докладов на конференциях в Москве и Санкт-Петербурге (в частности, в начале работы над проектом, в мае 2006 г., на франко-русской конференции «Литературное и социальное» в Смольном колледии в Санкт-Петербурге и, по завершении проекта, на «круглом столе» «Фальсификации источников и национальные истории», проведенного в рамках программы «Актуальное прошлое: наука и общество» отделением историко-филологических наук РАН в сентябре 2007 г.). В совокупности статья и доклады составят 3 из четырех – пяти задуманных частей будущей книги.

Благодаря гранту, мне удалось а) сопоставить и свести воедино данные, почерпнутые из разных архивов и публикаций, что позволило детально восстановить стратегии поведения моего персонажа; б) выявить черты и методы создания обликов, которые Хаджетлаше, он же – Кази-Бек Ахметуков, он же – Ахмет-бек Аллаев (эта новая идентификация доказана в процессе работы над проектом), он же – Григорий Эттингер, принимал в разных средах его общения и на разных этапах его жизненного пути; в частности – обнаружить и сравнить «автобиографии», которые он себе создавал в каждой из таких ситуаций; в) определить особенности его дискурса в его разных ролях и каждой из сред общения; г) собрать и сопоставить данные о реакциях на его деятельность почти во всех социальных слоях, с представителями которых он сталкивался: в среде мусульманской интеллигенции (причем выявлены различия этих реакций среди более и менее «политизированных» ее представителей, среди мусульман столичных центров, Северного Кавказа и Урало-Поволжья – различия, в большой мере повлиявшие на особенности исторической памяти об этом персонаже в каждом из регионов сегодня); в правительственной среде (у чиновников МВД, включая высокопоставленных, и в частности П.А.Столыпина, сотрудников Департаментов Духовных дел иностранных исповеданий; полиции; печати; у офицеров охраны; у чиновников МИДа, Генштаба и др.); среди российской консервативной и либеральной или левой интеллигенции, занятой политической деятельностью; в литературных кругах. Таким образом, удалось «столкнуть» персонаж и его окружение, увидеть ситуацию со стороны субъекта и со стороны общества.

Заявленная цель проекта конкретизировалась, в результате, как рассмотрение способов, какими этому персонажу удавалось пересекать культурные границы, пронизывавшие современное ему позднеимперское российское общество, а тем самым и способов конструирования таких границ. С одной стороны, со стороны индивида, были

рассмотрены использовавшиеся им стратегии обмана, способы достижения доверия в каждой из сред; с другой – со стороны его окружения, рассматривались обстоятельства складывания такого доверия и факторы, служившие его разрушению, обнаружению обмана.

Мне не удалось пока достоверно установить происхождение Хаджетлаше: был ли он рожден евреем и объявил себя мусульманином, или он был рожден мусульманином и усыновлен еврейской семьей (Эттингерами), а впоследствии пожелал вернуться к истокам. Хотя собранные данные больше говорят в пользу первого, я надеюсь подтвердить (или опровергнуть) это, проведя в 2008 г. изыскания в архивах Одессы и Краснодара, поездки куда были запланированы, но пока не осуществлены из-за организационных сложностей.

Основные выводы заключаются в следующем. Ведущая стратегия Хаджетлаше, заключавшаяся в «игре в Другого», стремлении «совпасть» с Другим, базировалась на открытии им того, что в многоликом поликонфессиональном и полиэтничном обществе, его окружавшем, где границы между этноконфессиональными сообществами, осмыслявшиеся как «культурные», виделись предельно жесткими, сущностными, примордиальными, культурная принадлежность (быть мусульманином в общении с мусульманами), как и культурная инакость (быть мусульманином в общении с правительственной средой и русской общественностью) может быть превращена в *символический* (и политический) *капитал*. Такое открытие было обусловлено его дистанцированием от собственных «корней» (чему способствовало, в частности, крещение, принятое им вместе с его родной или приемной еврейской семьей) и позволяло манипулировать представлениями современников о жесткости культурной принадлежности, определявшейся как раз происхождением. Выбор им мусульманской идентичности, с одной стороны, подчеркивал его инакость по отношению к «большинству», с другой – служил преодолением еврейской маргинальности. Самая эта культурная принадлежность/инакость конструировалась им на основе принятых как среди мусульман, так и российским «большинством» стереотипов о мусульманском/горском (кавказском) Другом, восходящих, в частности, к русской литературной традиции. Таким образом, не только писания Хаджетлаше, обращенные к той или иной аудитории, но и сами его облики, которые он принимал «в жизни» в общении с каждой из сред, оказывались своего рода литературной мистификацией. Обретение им доверия в сообществах, мыслившихся различными культурно – у мусульманской либеральной общественности и в правительственной / русской консервативной среде, – становилось возможным как раз в силу общности таких стереотипов, как и общности дискурса, у тех и других восходившего в своих базовых категориях (понятиях об истории и прогрессе, самом понятии культуры, совмещавшем в себе универсальную Культуру человечества и частную культуру того или иного народа или конфессиональной общности) к проекту Просвещения и наследию романтизма. В рамках такой общности явные различия дискурсивных практик, принятых в этих социальных средах, носили политический характер, легко поддававшийся имитации (тогда как глубинная разница культурных наследий этих сред оставалась имплицитной), что и было использовано Хаджетлаше. Утрата же Хаджетлаше доверия среди мусульман, вызванная обнаружением его политического двурушничества, повлекла и отторжение его от мусульманства вообще – обвинение в том, что он не мусульманин (отсюда ассоциации с еврейством Евно Азефа, тогда как собственное еврейство Хаджетлаше оставалось не доказанным). «Культурная» граница мусульманства по сути оказывалась тождественной политической и нравственной границе. В совокупности, все это подчеркивает конструируемый характер границ национальной культуры (как и культуры «мусульманской», создававшейся по образцу национальной), на практике открытой и пересекающейся с другими. Роли, сыгранные Хаджетлаше в современном ему обществе,

ценностно противоположны: он и «провокатор», укреплявший антагонизм между правительством и мусульманами-либералами ради собственного авторитета, и адыгский писатель – выразитель гуманистических национальных ценностей. Но главная его роль – релятивизация «корней» и «культуры», как и просвещенческой нравственности, – предвосхитила кризис проекта Просвещения, последствия которого столь заметны сегодня.